

сколькo ее применение для органа, ведущего уголовный процесс, является правом. Однако, с другой стороны, если признать эти доказательства как объективно и достоверно устанавливающие обязательное будущее негативное отношение подозреваемого, обвиняемого к производству по уголовному делу, его последующее преступное поведение и т. п., то применение мер пресечения для органов, ведущих уголовный процесс, становится обязательным в силу их предназначения для защиты прав и свобод граждан, а также публичности уголовного процесса.

Во-вторых, назначение мер пресечения заключается в содействии предварительному расследованию и судебному рассмотрению уголовного дела и в связи с этим в исключении возможного противодействия со стороны подозреваемого, обвиняемого, недопущения совершения им новых преступлений. Эти выводы органа, ведущего уголовный процесс, основываются на субъективных и объективных данных, которые дают достаточные основания полагать, что эти лица, возможно, в будущем совершат действия, указанные в ч. 1 ст. 117 УПК. Такими данными могут служить: совершение подозреваемым, обвиняемым ранее преступлений, по которым были возбуждены уголовные дела; его прежняя судимость, указывающая на то, что он не стал на путь исправления; прежнее нахождение его в розыске по возбужденным ранее в отношении его уголовным делам, дающее основание полагать, что он вновь скроется, и многие др. В основе этих данных лежит убежденность в этом должностного лица органа, ведущего уголовный процесс, основанная на его личном и ином опыте, подтвержденная практикой. Имеющаяся же в указанной выше норме УПК необходимость закрепления таких данных в виде источников доказательств существенно ограничивает возможность применения мер пресечения, в том числе по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности, ввиду сложности, а порой и невозможности закрепления этих данных в виде источников доказательств. Это, в свою очередь, оказывает влияние на законность применения мер пресечения и возможность отмены их судом по жалобе подозреваемого (обвиняемого) или его защитника, по процессуальным основаниям отсутствия в материалах уголовного дела доказательств о рассматриваемых нами данных.

В-третьих, ч. 1 ст. 119 УПК («Порядок применения, изменения и отмены меры пресечения») содержит положение о том, что в постановлении (определении) о применении, изменении и отмене меры пресечения должно быть указано «обоснование необходимости ее применения, изменения либо отмены», и ничего не сказано о наличии доказательств как оснований принятия решения о мере пресечения. Представляется, что «обоснование необходимости» и есть те данные, «дающие достаточные основания полагать», что подозреваемый, обвиняемый скроется от органа уголовного преследования или суда и т. п., а не доказательства этого.

В-четвертых, ч. 4 ст. 119 УПК определяет, что мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость. Что под этим понимать, законодатель не разъясняет. Однако если предположить, что в материалах уголовного дела имелись доказательства того, что подозреваемый, обвиняемый скроется и т. п., то для принятия решения об отмене меры пресечения данные доказательства должны быть опровергнуты также иными доказательствами противоположного характера.

В-пятых, в ч. 4 ст. 127 УПК («Сроки содержания под стражей и порядок их продления») указано, что продление срока содержания под стражей свыше шести месяцев допускается лишь в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, совершивших преступления на территории Республики Беларусь и не имеющих постоянного места жительства в Республике Беларусь, при наличии оснований полагать, что они могут скрыться от следствия и суда за пределы Республики Беларусь. Данное положение закона, хотя и не содержащее понятия «достаточности» оснований полагать, на наш взгляд, правильно отражает сущность принятия рассматриваемого процессуального решения.

Таким образом, по нашему мнению, в целях повышения качества применения мер пресечения, исключения возможности узко формального подхода со стороны судов при принятии решений об отмене мер пресечения по результатам рассмотрения жалоб подозреваемых (обвиняемых) или их защитников на применение соответствующих мер пресечения из текста ч. 1 ст. 117 УПК Республики Беларусь следует исключить слова «собранные по уголовному делу доказательства». Изложить ч. 1 ст. 117 УПК в следующей редакции: «Меры пресечения могут применяться органом, ведущим уголовный процесс, при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора».

УДК 343.123

И.А. Гороя

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ» И «ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ»

Законодатель в ст. 250 УПК, а также в ст. 251 и 252 УПК Республики Беларусь использует конструкцию «прекращение уголовного преследования» и «прекращение предварительного расследования». Так, в ч. 1 ст. 250 УПК, которая называется «Основания к прекращению предварительного расследования и уголовного преследования», говорится о прекращении предварительного расследования, а в ч. 2 этой же статьи – о прекращении уголовного преследования. В то же время относительно оснований, указанных в ч. 1 ст. 29 и ч. 1, 11 ст. 30 УПК, применяется конструкция «прекращение производства по уголовному делу». В ст. 29 и 30 УПК, на которые ссылается законодатель в ст. 250 УПК, не упоминается термин «уголовное преследование». Лишь в п. 13 ч. 1 ст. 29 УПК говорится об уголовном преследовании, когда производство по делу подлежит прекращению в отношении лица, уголовное преследование которого по просьбе органа уголовного преследования об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности, направленной Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в иностранное государство, осуществляется на территории этого иностранного государства по тому же подзаконному акту.

Рассматривая уголовное преследование как деятельность в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, можно сказать, что на досудебных стадиях при возникновении обстоятельств, перечисленных в ст. 29 УПК, исключается не только производство по уголовному делу, но и всякое уголовное преследование, что особенно актуально, если речь идет лишь о некоторых подозреваемых или обвиняемых, проходящих по уголовному делу. В случае если данные обстоятельства установлены на стадии возбуждения уголовного дела, то также мы можем говорить именно о невозможности осуществления уголовного преследования, как деятельности по установлению факта и обстоятельств совершения преступления и лица, его совершившего. Та-

ким образом, лицо, осуществляющее проверку в порядке ст. 173 УПК, принимает не только решение об отказе в возбуждении уголовного дела, но и прекращает тем самым уголовное преследование по материалу, находящемуся в производстве.

Учитывая общий характер положений ст. 29 УПК для всех стадий уголовного процесса, подчеркивая универсальность обстоятельств, исключающих уголовное преследование и производство по уголовному делу, следует отметить, что по смыслу закона прекращение производства по уголовному делу при наличии обстоятельства, указанного в п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК, возможно только на судебных стадиях. Однако в правоприменительной практике возможны случаи, когда возникает необходимость применения данной нормы и в досудебных стадиях. Например, в ходе дознания по уголовному делу, возбужденному в отношении неустановленного лица по ч. 1 ст. 205 УК, установлено, что преступление совершено членом семьи, близким родственником либо иным лицом, которого пострадавший обоснованно считает близким, что автоматически переводит уголовное дело в разряд дел частного обвинения. На момент подачи заявления пострадавший не имел информации о том, что лицо, совершившее преступление, является членом его семьи либо близким родственником или иным ему близким лицом, в связи с чем по объективным причинам не имел возможности осуществить свое право с ним примириться.

Исходя из смысла уголовно-процессуального закона, законодатель, говоря о прекращении прокурором производства по делу по основаниям, предусмотренным ч. 1, 11 ст. 30 УПК, в связи с освобождением лиц от уголовной ответственности, имеет в виду прекращение уголовного преследования в отношении этих лиц. По нашему мнению, говорить о прекращении уголовного преследования можно только до окончания предварительного расследования и передачи дела прокурору для направления в суд. К этому моменту следователем, дознавателем должны быть выполнены требования ст. 27 УПК о принятии всех предусмотренных законом мер к установлению всех предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний, совершенных привлеченными по делу в качестве обвиняемых лицами, изобличению их в совершении вмененных им преступлений, собраны достаточные доказательства для передачи уголовного дела прокурору для направления в суд. Следователь, дознаватель могут принять решение об окончании предварительного расследования и приступить к выполнению процессуальных действий, предусмотренных ст. 255–262 УПК, когда уголовное преследование лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, завершено, т. е. выявлены все эпизоды их преступной деятельности, собрана достаточная совокупность доказательств, изобличающих их в совершении указанных деяний и необходимых для рассмотрения дела в суде.

Если же в ходе предварительного расследования установлены и изобличены все лица, совершившие преступление, доказана их виновность в совершении всех вмененных им преступлений, выполнены условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 86–88, 881, 118 УК, прокурор вправе в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 264 УПК прекратить производство по уголовному делу с освобождением лица (лиц) от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ч. 1 и 11 ст. 30 УПК, с соблюдением условия, указанного в ч. 3 этой же статьи. Однако в данном случае прокурор прекращает не уголовное преследование лица, совершившего преступление, поскольку, как было отмечено выше, оно уже завершено следователем или дознавателем до передачи дела прокурору для направления в суд, а прекращает обвинение, предъявленное обвиняемому, которое прокурор поддерживал бы в случае направления дела в суд. Равно и суд, являясь органом правосудия и прекращая производство по делу с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 30 УПК, прекращает не уголовное преследование лица, а предъявленное ему обвинение.

УДК 343.1

П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин

ОКАЗАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Оказание международной правовой помощи по уголовным делам может осуществляться как на принципе взаимности, так и на основании действующих международных договоров.

Независимо от того, какими нормами руководствуется орган уголовного преследования, направляющий поручение (просьбу) об оказании правовой помощи, этот процесс сложен, трудоемок и, как правило, существенно затянут по времени.

Так, если у следователя следственного отдела предварительного расследования ОВД возникает необходимость обратиться в компетентные органы зарубежного государства, то схематически последовательность его действий можно представить в следующем виде:

